

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-35-40

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,

старший преподаватель Департамента уголовного права,
процесса и криминалистики Факультета права Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),

ORCID: 0009-0004-9220-7638,

e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ И ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ К ЗАЩИТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ОТ ВИКТИМИЗАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье анализируется степень разработанности научной проблемы криминальной виктимности юридического лица. Показано, что исторически формирование знаний о корпоративной жертве прошло четыре этапа (от классической виктимологии, замкнутой на потерпевших — физических лицах, через становление криминальной корпоративной виктимологии как частной виктимологической теории к отраслевым прикладным исследованиям и современной эмпирически насыщенной модели). На материалах отечественной (хищение налоговых платежей компаний фонда Hermitage Capital, корпоративный конфликт вокруг ПАО «Тольяттиазот») и зарубежной практики (банкротство Enron, «дизельгейт» Volkswagen) проиллюстрированы ключевые элементы корпоративной виктимности. Акцентируется внимание на недостатках корпоративного управления, привлекательности активов, «невидимости» корпоративной жертвы для правоприменения. Обосновывается вывод о том, что проблематика виктимной безопасности юридического лица представлена в науке, но целостной концепции пока нет. В качестве перспектив для научной проработки выделена необходимость нормативного закрепления и интеграция профилактических стандартов в корпоративный комплаенс, а также исследования виктимной безопасности юридического лица как самостоятельного объекта охраны.

Ключевые слова: криминальная корпоративная виктимология; юридическое лицо; корпоративная жертва; виктимность; виктимизация; виктимная безопасность; рейдерский захват; мошенничество.

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and
Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher
School of Economics (HSE University)

EVOLUTION OF SCIENTIFIC AND LEGAL APPROACHES TO PROTECTING A LEGAL ENTITY FROM VICTIMIZATION: THE STATE OF THE ISSUE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The article analyses the state of research on the criminal victimization of legal entities. It is shown that the formation of knowledge about the corporate victim has passed through four stages: from classical victimology focused exclusively on natural persons, through the emergence of criminal corporate victimology as a private victimological theory, to sector-specific applied studies and the contemporary empirically saturated model. Based on Russian practice (the theft of tax payments of Hermitage Capital companies, the corporate conflict around Togliattiazot) and foreign practice (the Enron bankruptcy, the Volkswagen "Dieselgate"), the article illustrates the key elements of corporate victimization: defects of corporate governance, attractiveness of assets, and the "invisibility" of the corporate victim for law enforcement. The author concludes that the topic is moderately researched and outlines promising directions for studying the victim security of a legal entity as an independent object of protection.

Key words: criminal corporate victimology; legal entity; corporate victim; victimization; victim security; hostile takeover; fraud.

Уголовно-процессуальное и административное законодательство Российской Федерации прямо признает юридическое лицо потерпевшим от преступления или административного правонарушения (в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ юридическое лицо является «потерпевшим в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации»; аналогичный статус закреплен и в ст. 25.2 КоАП РФ). При этом понятийный аппарат виктимологии — категории «виктимность», «виктимизация», «виктимологическая профилактика» — исторически формировался применительно к жертве-физическому лицу, что обусловлено антропоцентричной природой классических виктимологических теорий. Корпоративная жертва долгое время оставалась на периферии научного познания. Она фиксировалась статистикой, но не рассматривалась как самостоятельный объект криминологического анализа. Между тем ущерб, причиняемый преступлениями организациям, по масштабам сопоставим с ущербом физическим лицам, а механизмы такой виктимизации — дефекты корпоративного управления, пробелы регуляторики, «невидимость» жертвы — имеют собственную природу и требуют самостоятельного изучения. Цель настоящей статьи — систематизировать сложившиеся научные подходы к проблеме криминальной корпоративной виктимности, дополнить теоретический анализ материалами правоприменительной практики и обозначить дискуссионные вопросы, определяющие направление дальнейших исследований.

Анализ периодизации теоретико-методологических истоков возникновения научных знаний по корпоративной виктимности показывает, что начальный этап связан с формированием общетеоретического фундамента отечественной виктимологии. Д. В. Ривман и В. С. Устинов разработали базовые категории виктимности и виктимизации, а также методики их статистического измерения, однако применительно исключительно к потерпевшим — физическим лицам [1]. Созданный ими инструментарий впоследствии был экстраполирован на юридические лица, но изначально корпоративная жертва не входила в предмет виктимологического познания.

Вторым этапом (2006–2015 гг.) является период теоретического оформления самостоятельного направления. Ключевая роль принадлежит П. А. Кабанову, предложившему концепцию криминальной корпоративной виктимологии как частной виктимологической теории, включающей учение о корпоративной жертве, корпоративной виктимности, виктимизации и виктимогенности [2]. Опираясь на официальную виктимологическую статистику за 2009–2013 гг., ученый впервые в российской криминологии дал статистический анализ феномена корпоративной жертвы и уста-

новил, что темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц отстают от общей динамики преступности. Принципиально важен и его методический вывод: перспективы направления связаны с учетом не только числа потерпевших юридических лиц, но и размера причиненного им материального ущерба, а также с формированием корпоративной виктимологии экономической преступности [3].

Переход от общих концепций к отраслевым и прикладным исследованиям условно связан с третьим этапом (2015–2022 гг.) генезиса корпоративной виктимности. Наиболее показательна диссертация О. С. Вороновой, посвятившей виктимность предприятий как обстоятельству, способствующему недружественным поглощениям и рейдерским захватам. Автор разграничила благоприятные свойства виктимности юридического лица (наличие привлекательных активов, дефекты учредительных документов, слабость корпоративного управления) и негативные (коррупционные практики самого хозяйствующего субъекта) и пришла к выводу, что виктимность юридического лица в значительной мере порождается пробелами гражданско-правового регулирования, а потому ее преодоление требует комплекса уголовно-правовых, гражданско-правовых, административно-правовых и криминологических мер в совокупности с социальной и экономической политикой государства [4].

В рамках этого этапа развиваются исследования виктимизации юридических лиц в отдельных сферах (банковской деятельности, экономическом мошенничестве, малом бизнесе). Так, анализируя мошенничества в банковской сфере, А. Л. Репецкая и Л. А. Петрякова установили, что юридические лица в структуре жертв страдают преимущественно от мошенничеств в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), при этом у представителей потерпевших организаций личностная виктимность осложнялась ролевой, а решающую роль играли объективные виктимогенные факторы [5].

Зарубежные исследования корпоративных жертв представлены прежде всего работами Х. Кроалл, показавшей особую «невидимость» жертв «беловоротничковой» и корпоративной преступности для официальной статистики и правоприменения [8]. На современном этапе (с 2022 г. по настоящее время) происходит эмпирическое углубление. Так, Н. М. Александрinou разработана частная виктимологическая теория криминальной виктимизации юридических лиц, впервые предложена математическая формула расчета коэффициента виктимизации на общероссийском, региональном и видовом уровнях. Создана классификация корпоративных жертв по характеру вреда, форме собственности и иным крите-

риям; эмпирическая база исследования охватывает период 2010–2022 гг. [6]. Наряду с этим наметился тренд категориального расширения. В докторском исследовании А. В. Майорова сформулирована дефиниция «виктимная безопасность» как состояние защищенности, при котором соответствующий уровень виктимности не может оказать существенного влияния на жизненно важные интересы личности, а также обоснована целостная концепция виктимологического противодействия преступности [7]. Именно эта концепция создает теоретическую рамку, позволяющую переносить категорию «виктимная безопасность» с личности на юридическое лицо.

Под криминальной корпоративной виктимностью в наиболее общем виде понимается предрасположенность юридического лица становиться жертвой преступлений, обусловленная свойствами самой организации (структура, порядок управления, качество внутренних контролей), свойствами ее активов и характеристиками внешней среды [2].

В структуре корпоративной виктимности целесообразно выделять: во-первых, объективную составляющую — стоимость и ликвидность активов, отраслевую принадлежность, доступность финансовых ресурсов; во-вторых, организационно-управленческую — дефекты учредительных документов, размытость корпоративного контроля, слабость службы безопасности и комплаенса; в-третьих, поведенческую — склонность самой организации к коррупционным практикам и «серым» схемам, повышающая вероятность ответной криминализации конфликтов. Как показано выше, значение названных элементов неоднократно подтверждалось эмпирически [4; 5; 6]. Однако их сочетание нагляднее всего раскрывается на конкретных практических ситуациях, которые в отечественной литературе, как правило, приводятся фрагментарно.

В рамках исследования изучены следующие показательные ситуации из российской и зарубежной практики, позволяющие проследить типовые механизмы виктимизации юридических лиц и специфику реагирования правопорядка в разных юрисдикциях. Среди отечественных кейсов особое место занимает хищение налоговых платежей компаний фонда Hermitage Capital в 2007–2009 гг., ставшее одной из наиболее резонансных налоговых афер в новейшей российской истории: оно наглядно демонстрирует, как дефекты корпоративного документооборота и изъятие учредительных документов могут быть прямо использованы для противоправного перераспределения активов и причинения ущерба одновременно и частным компаниям, и бюджету. Так, в сентябре–декабре 2007 г. принадлежавшие фонду и управляемые им компании ООО «Парфенион»,

ООО «Махаон» и ООО «Рилэнд» были перерегистрированы на новых владельцев — по данным фонда, с использованием документов и печатей, изъятых в ходе обыска у юридического советника фонда. Лица, объявившие себя руководителями организаций, представили в налоговые инспекции № 25 и № 28 по Москве подложные уточненные декларации по налогу на прибыль за 2006 г., заявив к возмещению переплату на общую сумму свыше 5,4 млрд руб.; казначейство перечислило эти средства на счета организаций, после чего деньги были похищены. В 2009 г. организаторы схемы (В. Маркелов, В. Хлебников) были осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ к пяти годам лишения свободы каждый, однако гражданские иски о возмещении ущерба по делу не заявлялись, а в доход казны удалось обратить лишь около 685 млн руб. [9]. Виктимологическое значение данного кейса двойственно: с одной стороны, жертвами преступления стали одновременно публично-правовое образование (бюджет) и юридические лица, фактически утратившие корпоративный контроль над тремя организациями, что представляет собой классическую иллюстрацию того, как дефекты учредительных документов и документооборота (хранение оригиналов уставов и печатей у внешнего советника) выступают «благоприятным свойством» виктимности в терминологии О. С. Вороновой [4]; с другой стороны, дело демонстрирует феномен «невидимости» корпоративной жертвы, описанный Х. Кроалл [8], — отсутствие гражданского иска означало, что пострадавшие организации не были восстановлены в правах, а вопрос о судьбе похищенных средств остался открытым, вследствие чего корпоративная жертва в уголовном деле фактически растворилась в ущербе бюджета.

Следующий исследованный кейс о корпоративном конфликте вокруг ПАО «Тольяттиазот» (2019–2022 гг.) представляет собой показательный пример виктимизации крупного хозяйствующего субъекта. Предприятие, являющееся одним из крупнейших мировых производителей аммиака с выручкой около 80 млрд руб., стало предметом многолетнего корпоративного конфликта: в 2019 г. бывшие владельцы и менеджмент завода (В. и С. Махлаи, Е. Королев, иностранные партнеры) были заочно осуждены за мошенничество в особо крупном размере, поскольку, по данным следствия, реализуя продукцию через подконтрольный трейдер, они присвоили доход около 85 млрд руб. [10]. В ноябре–декабре 2021 г. контроль над предприятием перешел к структурам конкурента. Внеочередные собрания акционеров, созданные при поддержке судебного управляющего имуществом мажоритария, сменили совет директоров и генерального директора, а исполняющий обязанности руководителя завода был за-

держан, направив накануне заявления о силовом захвате предприятия. Мажоритарные акционеры назвали произошедшее рейдерским захватом и обратились в Высокий суд Ирландии, где ещё с 2016 г. рассматривался их иск о сговоре с целью завладения мажоритарным пакетом акций; иностранный форум был выбран в силу трансграничного характера конфликта (часть структур сторон зарегистрирована за рубежом). В отечественной публичной плоскости события получили название «корпоративной войны» [10].

С виктимологической точки зрения этот кейс иллюстрирует тезис О. С. Вороновой о том, что само наличие привлекательных активов является благоприятным свойством корпоративной виктимности [4]: предприятие с выручкой в десятки миллиардов рублей становится объектом поглощения не в силу слабости, а в силу стоимости. Одновременно кейс показывает узость чисто уголовно-правового ответа: спор о правомерности смены управления решается в нескольких юрисдикциях, а механизмы виктимологической профилактики подобных захватов (корпоративный аудит, реестры бенефициаров, контроль за перерегистрацией) лежат за пределами уголовного процесса.

Следующим классическим примером того, как «беловоротничковое» преступление порождает множественность жертв, включая корпоративные структуры, является банкротство Enron в США в 2001 г. За четыре года до банкротства акционеры компании потеряли около 74 млрд долл., из которых, по оценкам, 40–45 млрд пришлось на мошенничество; по итогам групповых исков инвесторы получили около 7,2 млрд долл. — порядка 20 центов на каждый потерянный доллар. Свыше 20 тыс. сотрудников лишились рабочих мест и пенсионных накоплений, инвестированных в акции компании. Дело Enron стало отправной точкой не только для реформы корпоративного законодательства (закон Сарбейнса–Оксли), но и для дискуссии о «невидимости» жертв корпоративной преступности: индивидуализация вреда оказалась настолько сложной, что компенсация носила преимущественно коллективный характер [8].

Показательным примером виктимизации широкого круга субъектов является «дизельгейт» — корпоративный скандал вокруг концерна Volkswagen (Германия/США, с 2015 г.). Установка программного обеспечения, занижавшего показатели выбросов в лабораторных тестах, затронула около 11 млн автомобилей. В 2017 г. компания признала вину по уголовным обвинениям в США и выплатила уголовный штраф в 2,8 млрд долл. — крупнейший в истории американского правосудия для автопроизводителей; совокупные издержки концерна превысили 32 млрд евро. В

Германии в 2025 г. вынесены первые персональные приговоры бывшим менеджерам: двое из них получили реальные сроки лишения свободы (4,5 года и 2 года 7 месяцев), а бывший глава концерна М. Винтеркорн предстает перед судом заочно по состоянию здоровья. Виктимологический смысл кейса в том, что корпоративная преступность создает цепочку жертв — потребителей, государства, дилеров и поставщиков, — однако официальная уголовно-правовая категория «потерпевший» охватывает ее лишь фрагментарно, что подтверждает выводы Х. Кроалл о структурной невидимости таких жертв [8].

Сопоставление отечественных и зарубежных кейсов показывает универсальность механизмов корпоративной виктимности: привлекательность активов, дефекты управления и информационная «закрытость» жертвы формируют повышенный виктимогенный риск. При этом модели реагирования различаются. Если в США развиты коллективные иски и компенсационные соглашения, позволяющие восстанавливать имущественное положение пострадавших, то в России преобладает репрессивный вектор, а механизмы возмещения вреда недостаточно эффективны. Данная особенность обуславливает необходимость развития в отечественном правовом порядке инструментов виктимологической защиты, в том числе путем совершенствования гражданско-правовых способов возмещения вреда и внедрения профилактических стандартов в комплаенс.

Анализ современных исследований, а также отечественной и зарубежной практики позволяет выделить ряд нерешенных вопросов, определяющих научную новизну дальнейших изысканий. Прежде всего, до настоящего времени отсутствует общепринятое определение «виктимной безопасности» именно юридического лица. Данная категория изначально разрабатывалась применительно к личности, а ее адаптация к корпоративному уровню носит фрагментарный характер. При этом представляется целесообразным трактовать «виктимную безопасность организации» как состояние защищенности ее имущественных и неимущественных интересов, при котором уровень виктимности не создает угрозы нормальному функционированию хозяйствующего субъекта. Наряду с этим существенную проблему сохраняет терминологическая неустойчивость. В научных работах понятия «жертва», «потерпевший» и «пострадавший» зачастую употребляются как синонимы, несмотря на различия в их правовом содержании. В частности, далеко не каждая корпоративная жертва приобретает процессуальный статус потерпевшего, что наглядно демонстрирует кейс Hermitage Capital, где даже при доказанности преступления имущественные интересы пострадавших организаций фактически остались

вне рамок уголовного судопроизводства. Дополнительным затруднением выступает неполнота, противоречивость и низкая доступность официальной виктимологической статистики по юридическим лицам, что осложняет как проведение эмпирических исследований, так и организацию профилактической работы. Аналогичные сложности отмечаются и в зарубежной практике. Кроме того, в существующей научной литературе явно преобладает криминологический ракурс анализа, тогда как организационно-управленческий аспект, включающий внутрикorporативные механизмы обеспечения виктимной безопасности (такие как комплаенс, аудит корпоративного управления, регламентация работы с учредительными документами), остается недостаточно изученным. При этом слабо проработаны и критерии оценки эффективности виктимологической профилактики применительно к хозяйствующим субъектам, равно как и круг субъектов, ответственных за ее реализацию.

Таким образом, научная база по теме отличается неоднородной степенью проработанности. С одной стороны, уже сложился основной понятийный аппарат, а эмпирическая база существенно расширена за счет анализа правоприменительной практики и отдельных корпоративных кейсов. С другой — пока не выстроена целостная концепция виктимной безопасности юридического лица как самостоятельного объекта правовой охраны. Остаются нерешенными вопросы нормативного закрепления данного института, а также формирования системы организационных гарантий, которые обеспечивали бы профилактику виктимизации и восстановление нарушенных интересов хозяйствующих субъектов.

По мнению автора, криминальная корпоративная виктимность является сложившейся, но не завершенной в своей теоретической разработке область. Анализ реальной правоприменительной практики подтверждает ключевые теоретические положения. Корпоративная жертва страдает как от «внешних» преступников, так и от дефектов собственного корпоративного управления. Ее «невидимость» для правоприменения приводит к тому, что уголовное наказание виновных не сопровождается восстановлением имущественного положения организации. Перспективы развития научного направления связаны с нормативной адаптацией категории «виктимная безопасность» к юридическим лицам, созданием сопоставимой статистики корпоративной виктимизации (в том числе через коэффициентные модели Н. М. Александрины) и разработкой внутрикorporативных стандартов виктимологической профилактики как элемента комплаенса хозяйствующих субъектов.

Список литературы:

- [1] Ривман Д. В. Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2000. — 332 с.
- [2] Кабанов П. А. Криминальная корпоративная виктимология как частная виктимологическая теория: понятие и попытка определения предметного поля / П. А. Кабанов // Следователь. — 2006. — № 9. — С. 29–33.
- [3] Кабанов П. А. Корпоративные жертвы российской преступности: криминологический анализ виктимологической статистики за 2009–2013 гг. / П. А. Кабанов // Юридические исследования. — 2015. — № 3. — С. 52–70. — DOI 10.7256/2409-7136.2015.3.14420..
- [4] Воронова О. С. Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. С. Воронова. — Москва, 2016.
- [5] Репецкая А. Л. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) / А. Л. Репецкая, Л. А. Петрякова // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 4. — С. 452–462. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).452-462..
- [6] Александрина Н. М. Криминальная виктимизация юридических лиц и ее предупреждение: криминологическое исследование : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ... канд. юрид. наук / Н. М. Александрина. — Нижний Новгород, 2024. — 275 с.
- [7] Майоров А. В. Теория и методология виктимологического противодействия преступности в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А. В. Майоров. — Екатеринбург, 2022.
- [8] Croall H. White collar crime, consumers and victimization / H. Croall // Crime, Law and Social Change. — 2009. — Vol. 51. — P. 127–146.
- [9] Похититель 5,4 млрд руб. налогов Hermitage приговорен к пяти годам тюрьмы без конфискации имущества // Ведомости. — 2009. — 2 декабря.
- [10] «Силовой и незаконный захват»: почему на ТOА3е началась очередная корпоративная война // Forbes Russia. — 2021. — 3 декабря.

References:

- [1] Rivman, D. V., & Ustinov, V. S. (2000). *Victimology*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy Tsent Press. 332 p.
- [2] Kabanov, P. A. (2006). *Criminal corporate victimology as a special victimological theory: Concept and an attempt to define the subject field*.

Sledovatel' [Investigator], (9), 29–33.

[3] Kabanov, P. A. (2015). Corporate victims of Russian crime: A criminological analysis of victimological statistics for 2009–2013. *Yuridicheskie Issledovaniya [Legal Studies]*, (3), 52–70.

[4] Voronova, O. S. (2016). Victimization of enterprises (legal entities) as a circumstance facilitating hostile takeovers (raider seizures) [Doctoral dissertation abstract]. Moscow.

[5] Repetskaya, A. L., & Petryakova, L. A. (2022). Victimological characteristics of fraud in the banking sector (based on the materials of the Siberian Federal District). *All-Russian Criminological Journal*, 16(4), 452–462.

[6] Alexandrina, N. M. (2024). Criminal victimization of legal entities and its prevention: A

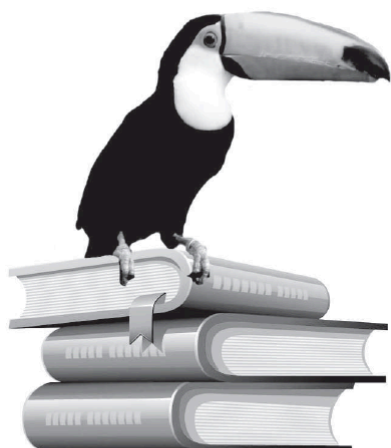
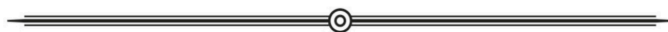
criminological study [Doctoral dissertation]. Specialty 5.1.4 "Criminal Law Sciences". Nizhny Novgorod. 275 p.

[7] Mayorov, A. V. (2022). Theory and methodology of victimological crime counteraction in the Russian Federation [Doctoral dissertation abstract]. Specialty 5.1.4. Yekaterinburg.

[8] Croall, H. (2009). White collar crime, consumers and victimization. *Crime, Law and Social Change*, 51, 127–146.

[9] Vedomosti. (2009, December 2). The perpetrator of the theft of RUB 5.4 billion in taxes from Hermitage sentenced to five years in prison without confiscation of property.

[10] Forbes Russia. (2021, December 3). "A forcible and unlawful seizure": Why another corporate war has begun at TOAZ.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.